

МИРА ЛИНЧ

СТУДЕНТОЧКА

ЗАПРЕТНЫЙ КУРС

Мира Линч

Студенточка. Запретный курс

«Литнет»

2026

Линч М.

Студенточка. Запретный курс / М. Линч — «Литнет», 2026

Она пришла в университет, чтобы начать новую жизнь. Он уже десять лет носит в себе прошлое, которое не отпускает. Ей девятнадцать — она умна, наивна и жаждет быть замеченной. Ему за тридцать — он холоден, непроницаем и держит всех на расстоянии. На первой же лекции их взгляды встречаются, и мир переворачивается.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Первая лекция. Запах мела и пыли	5
Глава 2. Консультация. Четыре дня до встречи	8
Глава 3. Граница	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. Первая лекция. Запах мела и пыли

Глава 1. Первая лекция. Запах мела и пыли

Сентябрь в этом городе пахнет не так, как в моём родном.

Там, откуда я приехала, осень всегда была мокрой и серой — дожди начинались в августе и не кончались до ноября, когда всё превращалось в жидкую грязь. Здесь же воздух сухой, прозрачный, и солнечный свет льётся сквозь высокие окна университетского коридора, оставляя на кафельном полу длинные золотые полосы.

Я иду по этому коридору, и мои кроссовки издают тихий, почти неслышимый шум. Рюкзак на плече кажется тяжелее обычного, хотя я положила в него только тетради, ручки и одну книгу — «Божественную комедию» Данте, которую купила на последние деньги, ещё до того, как села в поезд.

Я не могу позволить себе провалить этот год.

Позади — маленький провинциальный город с серыми панельными домами, где каждый второй мужчина работает на заводе, а женщины до сорока выглядят на шестьдесят. Позади — мать, которая провожала меня на вокзал и сжимала мою руку так сильно, что я чувствовала её дрожь. Она не сказала «не уезжай». Она знала, что я должна уехать. Что это мой единственный шанс.

— Ты умная, Катя, — сказала она перед тем, как поезд тронулся. — Ты всегда была умнее меня. Ты справишься.

Я хотела сказать ей, что боюсь. Что я никогда не была одна в большом городе. Что я не знаю, как там — среди чужих людей, среди чужих стен, среди всех этих правил, которых я не понимаю. Но я не сказала. Я просто кивнула и улыбнулась.

Я не должна была бояться. Я должна была стать сильной. И я стала — хотя бы внешне.

Первый день в университете.

Я стою у входа в большую аудиторию на третьем этаже гуманитарного корпуса. Это здание старое — его строили ещё в конце девятнадцатого века, и оно хранит запах времени: пыльных книг, старого дерева, мела и чего-то ещё неуловимого, что я не могу назвать. Парты здесь тёмные, потёртые, на них вырезаны инициалы поколений студентов, которые учились задолго до меня.

Я вхожу и выбираю место — третья парта от окна, не слишком близко к кафедре, но и не слишком далеко. Здесь достаточно света, чтобы видеть доску, и достаточно тени, чтобы оставаться незамеченной.

Вокруг меня — другие первокурсники. Они громко разговаривают, пересмеиваются, кто-то уже успел найти новых друзей в общем чате, кто-то обсуждает вчерашнюю вечеринку в общежитии. Я смотрю на них и чувствую себя чужой среди своих.

Я не знаю никого здесь. Я вообще никого не знаю в этом городе, кроме своей соседки по общежитию — Ани, девушки с педагогического, которая вчера вечером угостила меня чаем и рассказала о своей бывшей девушке, которая бросила её на первом курсе.

— Не бойся, — сказала Аня, когда я призналась, что мне страшно. — Все здесь боятся. Просто умеют скрывать.

Я пытаюсь скрывать. Я достаю тетрадь, открываю её, делаю вид, что читаю программу. Но на самом деле я просто пытаюсь унять дрожь в пальцах. Потому что это — начало. И от того, как я пройду это начало, зависит всё.

Аудитория постепенно заполняется. Студентов много — около сорока, и шум нарастает. Кто-то смеётся, кто-то спорит о вчерашнем матче, кто-то громко говорит по телефону, не стесняясь никого. Я сжимаю ручку и считаю удары собственного сердца, чтобы не думать о страхе.

А потом дверь открывается.

И воздух меняется.

Я не вижу его сразу — только слышу шаги. Тяжёлые, уверенные, но не громкие. Он входит в аудиторию, и шум стихает мгновенно, как будто кто-то выключил звук.

Он невысокий, но его присутствие заполняет всё пространство — высокий, широкий в плечах, в тёмном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем у строгого преподавателя, и они падают на лоб с той небрежностью, которая выглядит слишком продуманной. У него нет портфеля — только тонкая папка, которую он держит в руках, и взгляд, которым он медленно обводит аудиторию.

Когда этот взгляд касается меня — я чувствую это физически. Как будто меня сканируют, просвечивают, заглядывают внутрь, туда, куда я сама боюсь смотреть.

Я отвожу глаза.

Он подходит к кафедре, кладёт папку и медленно снимает пиджак — вешает его на спинку стула, остаётся в рубашке с закатанными до локтя рукавами. Я вижу его руки — сильные, с тёмными волосами на предплечьях, и почему-то этот вид действует на меня сильнее, чем если бы он был в строгом костюме.

— Лекция по истории западной литературы, — говорит он, и голос его звучит низко, без интонаций, как сухой лист, который шуршит по асфальту. — Меня зовут Вячеслав Андреевич. Если вы не запомните моё имя после первого занятия — вам не место здесь.

Он не улыбается. Он вообще не выглядит человеком, который способен улыбаться. Его лицо — резкие линии, скулы, которые можно чертить по линейке, подбородок с лёгкой щетиной, которая делает его не небрежным, а опасным. Я смотрю на него и не могу понять, сколько ему лет — тридцать пять? Сорок? В нём есть что-то вневозрастное, как в старых книгах, которые не стареют, а только набирают вес.

— На первом курсе мы будем говорить о том, что формирует человеческую душу, — продолжает он, не глядя на нас — точнее, глядя мимо, куда-то поверх голов, в окно. — О страданиях, искуплении, грехе и границах, которые мы переступаем, когда выбираем свой путь.

Он делает паузу. Аудитория молчит.

— Я не буду спрашивать ваши биографии, — говорит он. — Мне не важно, кто ваши родители, сколько у вас денег и почему вы выбрали этот факультет. Мне важно, сможете ли вы мыслить. Не запоминать — мыслить. Не повторять — анализировать. Если вы пришли сюда за готовыми ответами — вы ошиблись дверью.

Его взгляд скользит по рядам, останавливается на мне. На долю секунды. Я чувствую, как мои щёки заливают жар.

Он открывает список.

— Высоцкая.

— Здесь, — говорю я, и мой голос звучит тише, чем я хотела.

Он поднимает глаза и смотрит на меня прямо.

Я не отвожу взгляд. Я знаю, что должна, что так правильно, что я не должна привлекать его внимание. Но я смотрю на него, и он смотрит на меня.

Его глаза — тёмные, почти чёрные, с тяжёлыми веками, которые делают взгляд пристальным и усталым одновременно. В них нет злобы. Но нет и тепла. Есть что-то другое — изучающее, оценивающее, как у человека, который привык видеть больше, чем ему показывают.

— Екатерина Высоцкая, — повторяет он медленно, и моё имя в его устах звучит иначе. Не как имя. Как приговор. Или как вопрос.

— Да, — говорю я.

Он смотрит ещё секунду. Потом возвращается к списку.

Лекция начинается.

Он говорит о Данте. О «Божественной комедии». О том, что ад — это не место, а состояние души. Что самый страшный круг — не девятый, где замерзают предатели, а первый, где живут люди, которые не сделали выбора.

— Бездействие хуже греха, — говорит он, и я записываю каждое слово. — Ничто не наказывается так жестоко, как пустота. Ничто не сжигает душу сильнее, чем осознание, что ты мог бы, но не стал.

Он говорит без пафоса, без актёрской игры. Он просто рассказывает это так, будто сам спускался в ад и вернулся обратно — с ожогами на руках и тенью в глазах.

Я пишу. Но я пишу почти механически, потому что всё моё внимание — на нём. На том, как он перелистывает страницы. Как его пальцы проводят по полю книги. Как он иногда замолкает на полуслове и смотрит в окно, и тогда кажется, что он забыл, что мы здесь.

Он красив. Это невозможно отрицать, как невозможно отрицать, что огонь — горячий. Но в его красоте есть что-то острое, режущее. Как нож, который лежит на столе остриём к тебе. Ты знаешь, что можешь порезаться, но ты всё равно протягиваешь руку.

Я не выдерживаю и смотрю на него прямо.

Он поднимает глаза в тот же момент.

Наши взгляды пересекаются.

Я не отвожу глаза первой. Я смотрю на него, и внутри меня разливается странное тепло — опасное, неправильное, но от этого ещё более сильное.

Он прищуривается, как будто удивлён. Или заинтригован. Я не могу прочесть его лицо — оно закрыто, как книга, которую кто-то захлопнул, чтобы я не видела последней страницы.

— Произведения, которые я даю на первом курсе, — говорит он, и его голос становится чуть громче, — требуют зрелости. Если вы пришли сюда за развлечением, вы ошиблись дверью.

Он смотрит на меня, когда говорит это. Только на меня. Остальные студенты исчезают — есть только он и я, и стена между нами, которая начинает казаться прозрачной.

Я краснею. Жар поднимается от шеи к щекам, и я ненавижу себя за это. Ненавижу, что меня так легко вывести из равновесия.

А он отводит взгляд и продолжает лекцию, как будто ничего не произошло.

Я больше не пытаюсь смотреть на него.

Когда лекция заканчивается, я собираю вещи быстрее всех. Я хочу выйти, чтобы никто не видел моего лица, чтобы он не заметил, как дрожат мои руки. Но на выходе я слышу его голос:

— Высоцкая.

Я замираю.

Он стоит у кафедры, перебирая бумаги, и не смотрит на меня, когда говорит:

— В следующую среду приходите на консультацию. У вас в эссе по античной литературе слабая аргументация. Если хотите сдать экзамен на что-то кроме тройки, вы будете работать.

Я сглатываю.

— Но я ещё не видела задания, — говорю я.

— Увидите, — он поднимает глаза и смотрит на меня, и в его взгляде — что-то неуловимое. — У вас есть неделя. Я дам вам тему. И не опаздывайте.

Он не ждёт ответа. Просто возвращается к бумагам.

Я выхожу из аудитории, и стены вокруг кажутся уже, воздух — плотнее.

За дверью я прислоняюсь спиной к стене и делаю глубокий вдох.

Что это было? Просто преподавательская строгость? Или что-то ещё?

Я не знаю.

Но дрожь в пальцах не проходит.

Глава 2. Консультация. Четыре дня до встречи

Глава 2. Консультация. Четыре дня до встречи

Четыре дня до среды. Четыре дня, которые я проживаю как в тумане — плотном, вязком, который не рассеивается даже на солнце.

Я возвращаюсь в общежитие и первое, что делаю, — падаю на кровать, не снимая куртки. Смотрю в потолок, на котором висят жёлтые пятна от старой краски, и прокручиваю в голове каждое слово, каждый взгляд, каждое движение его рук.

Его руки. Почему я запомнила его руки?

Я закрываю глаза, и передо мной возникает картина: он стоит у кафедры, закатывает рукава, и я вижу тёмные волосы на предплечьях, вижу, как двигаются мышцы, когда он перелистывает страницы. Я представляю, как эти руки могли бы коснуться меня — осторожно или грубо, я не знаю. Но от этой мысли внутри разливается жар, от которого мне становится страшно.

Я сажусь, трясую головой, пытаюсь прогнать эти мысли.

— Кать, ты чего? — Аня заглядывает в комнату, жуя яблоко. — Выглядишь как призрак.

— Всё нормально, — говорю я. — Просто первый день. Много впечатлений.

Она смеётся.

— Первый день — это фигня. Вот на второй неделе начнётся, когда горы домашки посыпятся. А ты на каком факультете?

— Филология. Литература.

— О, — она поднимает брови. — Это тот, с преподами-зверями? Говорят, у них один доцент — просто машина, студентов в пот вгоняет.

Я чувствую, как сердце пропускает удар.

— Как его зовут?

— Не помню. Что-то славянское. Вячеслав, кажется. Он типа очень жёсткий, но умный. Говорят, если он тебя заметил — либо ты гений, либо ты труп.

Я не отвечаю. Я просто смотрю на свои руки и чувствую, как они слегка подрагивают.

В ту ночь я не сплю почти до утра.

Я лежу на кровати, смотрю в темноту и перебираю в памяти его лицо, его голос, его слова. «Если вы пришли сюда за готовыми ответами — вы ошиблись дверью». Он смотрел на меня, когда говорил это. Я чувствовала, что это было адресовано именно мне, хотя он не выделял меня среди других. Но я знала — он увидел что-то во мне. Или, может быть, я просто хотела так думать.

Наутро я открываю университетский портал и нахожу задание. Он выложил его в ту же ночь, после лекции, словно не мог ждать. Тема: «Образ Вергилия как проводника: наставничество или власть?»

Я смотрю на эти слова, и внутри меня всё переворачивается.

«Наставничество или власть». Он дал мне это намеренно — я не сомневаюсь в этом. Он знает, что для меня эти два понятия сплетены в тугой узел, который я не могу распутать. Или он хочет посмотреть, как я запутаюсь в нём.

Я сажусь за ноутбук, открываю чистый документ и начинаю писать.

Но слова не идут. Я смотрю на мигающий курсор и чувствую, что внутри меня — пустота. Обычно я пишу легко, слова льются сами собой, но сейчас я не могу сформулировать ни одной мысли, потому что все мои мысли — о нём.

Я встаю, хожу по комнате, пытаюсь успокоиться. Потом сажусь снова, беру книгу — «Божественную комедию» — и открываю на том месте, где Вергилий встречает Данте в тёмном лесу.

«...Ты, что идёшь сквозь этот адский мрак...»

Я читаю эти строки и слышу его голос. Низкий, без интонаций, но от этого ещё более пронзительный. Я представляю, как он читает это на лекции, и от этих мыслей у меня начинает кружиться голова.

Я закрываю книгу и решаю, что не буду писать сегодня. Я не могу. Мне нужно отвлечься, проветрить голову, перестать думать о нём.

Я выхожу на улицу.

Сентябрь в этом городе тёплый, почти летний. Солнце греет, ветер сухой и лёгкий. Я иду по аллее, смотрю на листья, которые только начинают желтеть, на студента, который пробегает мимо с книгой, на пару, которая смеётся на скамейке. Они выглядят счастливыми. Я не чувствую себя счастливой — я чувствую себя потерянной, как Данте в начале своего пути.

Я сажусь на скамейку и смотрю на небо. Оно ясное, голубое, и в нём нет ни облачка. Но внутри меня — тучи.

Что со мной происходит? Я видела его один раз. Всего один раз. Я ничего о нём не знаю — ни откуда он, ни сколько ему лет, ни женат ли он, ни что он любит, ни что ненавидит. Я знаю только, что он — мой преподаватель, что он строг и холоден, что он смотрит на меня так, будто видит насквозь. И этого достаточно, чтобы я потеряла покой?

Я пытаюсь убедить себя, что это просто увлечение. Что я, девятнадцатилетняя дура, влюбилась в образ — строгий, недоступный, опасный. Что если бы я узнала его настоящего, всё прошло бы. Что я просто ищу внимания, которого мне не хватало в маленьком городе, среди серых стен и серых лиц.

Но я знаю, что это не так. Потому что когда я думаю о нём, я чувствую не пустоту, а наполненность. Как будто внутри меня зажигается свет — слабый, но тёплый, который согревает меня изнутри.

Я возвращаюсь в общежитие и снова сажусь за эссе.

Этот раз я пишу не думая. Я просто позволяю словам литься, и они выходят из меня — не отредактированные, не цензурированные, настоящие.

Я пишу о Вергилии как о наставнике, который ведёт Данте к свету. Я пишу о том, что наставничество — это акт любви, что тот, кто ведёт, берёт на себя ответственность за того, кого ведёт. Что это не власть, а служение. Что настоящий учитель не подавляет, а освобождает.

Я пишу это, и кажется, что я пишу не о Вергилии и Данте, а о нас. О нём и обо мне. О том, как я хочу, чтобы он вёл меня — не потому что я слабая, а потому что я хочу ему довериться.

Когда я заканчиваю, на часах — три часа ночи. Я перечитываю текст, и мне становится не по себе. Он слишком личный. Слишком откровенный. Словно я вывернула себя наизнанку, а он будет это читать.

Я хочу переписать его, сделать суше, формальнее, безопаснее. Но я не могу. Потому что это — правда. А правду я не умею прятать.

Я сохраняю файл и закрываю ноутбук.

Среда наступает быстрее, чем я готова.

Я просыпаюсь за час до будильника и долго смотрю в потолок. Я знаю, что сегодня увижу его. Что мы будем говорить — с глазу на глаз, в его кабинете, без свидетелей. От одной только этой мысли у меня подкашиваются колени.

Я одеваюсь долго, перебирая вещи. Хочу выглядеть достойно — не вызывающе, но так, чтобы он заметил меня. Я выбираю чёрные брюки, белую рубашку, волосы завязываю в низкий хвост — строго, но не скучно. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю собственное лицо.

Я прихожу в университет за полчаса до назначенного времени.

Кабинет Вячеслава Андреевича находится на четвёртом этаже, в конце длинного коридора, где лампы мигают через одну, создавая неровный, почти мистический свет. Я подхожу к двери с табличкой «Доцент кафедры литературы» и слышу его голос — он разговаривает по телефону.

Я замираю и невольно слушаю.

— Я сказал нет, — говорит он. Его голос жёсткий, почти злой. — Это не обсуждается. Ты получишь всё, что тебе причитается, но я не вернусь.

Пауза. Я слышу, как он выдыхает.

— Нет, я не передумаю. И не пытайся манипулировать мной. Я не ребёнок.

Он замолкает. Я слышу, как он встаёт, как шагает по кабинету. Потом голос становится тише, но не мягче:

— Хорошо. Приходи в пятницу. Мы поговорим. Но не надейся. Всё кончено.

Он кладёт трубку, и я слышу тишину. Глубокую, тяжёлую.

Я не знаю, с кем он говорил, но чувствую, что это была женщина. Чувствую по его голосу — в нём была боль, которую он пытался скрыть.

Я стучу.

— Войдите, — говорит он.

Я захожу.

Кабинет маленький, тесный, заставленный книжными стеллажами от пола до потолка. Тысячи книг — в потёртых обложках, с загнутыми страницами, с надписями на корешках, которых я не знаю. Запах бумаги, пыли и старого дерева витает в воздухе. На столе — настольная лампа, чашка с остывшим кофе, стопка проверенных эссе.

Он сидит за столом и смотрит на меня поверх очков — тонкой оправы, которая делает его взгляд ещё более острым. На лекции очков не было, и сейчас он выглядит иначе — старше, усталее, но от этого ещё более притягательным.

— Садитесь, — говорит он, указывая на стул перед столом.

Я сажусь. Между нами — деревянная столешница, на которой лежат мои распечатанные страницы.

— Принесли? — спрашивает он.

Я протягиваю эссе. Он берёт его, и я вижу, как его пальцы касаются бумаги — длинные, сухие, без колец. Я смотрю на его руки и чувствую, как внутри сжимается что-то тёплое.

Он читает. Молча. Долго.

Я сижу, смотрю на его лицо и пытаюсь угадать, о чём он думает. Его брови хмурятся, потом разглаживаются, потом он проводит пальцем по одному абзацу и перечитывает его дважды. Я чувствую, как моё сердце колотится в груди так сильно, что, наверное, он слышит это.

Он дочитывает и поднимает на меня глаза.

— Аргументы хорошие, — говорит он, и я выдыхаю с облегчением. — Но ты ошибаешься в главном.

Он делает паузу, и я чувствую, как внутри меня всё сжимается.

— Ты пишешь, что Вергилий — наставник, который ведёт Данте к свету. — Он кладёт листы на стол и снимает очки. — Но Данте не выбирал Вергилия. Вергилий был послан. Это принуждение. Подчинение. Он не учитель — он надзиратель. Он указывает путь, потому что у Данте нет выбора.

Я молчу. Потому что он прав. Я это чувствовала, когда писала, но боялась признаться себе.

— Ты идеализируешь отношения, — продолжает он, и его взгляд становится острее. — Ты видишь в них защиту, заботу. Но там, где есть один ведущий и один ведомый, нет равенства. Есть иерархия. Есть власть.

Он делает паузу. И я понимаю, что он говорит не только о Данте.

— А власть, — тихо добавляет он, — редко бывает доброй.

Я опускаю глаза. Мне хочется исчезнуть, провалиться сквозь землю. Он видит меня насквозь — видит мою наивность, мою детскую веру в то, что наставничество может быть чистым. И он разбивает её в пух и прах.

— Я понимаю, — говорю я тихо.

— Нет, ты не понимаешь, — говорит он, и его голос становится жёстче. — Ты думаешь, что это метафора. Но я говорю о реальности. Ты впускаешь в свою жизнь человека, который имеет власть над тобой. Ты доверяешь ему. А он может использовать это доверие против тебя. Ты готова к этому?

Я поднимаю глаза и смотрю на него. В его взгляде — не злоба, а предупреждение. Он пытается защитить меня. От него самого?

— Я готова, — говорю я.

— Ты не готова, — говорит он. — Но ты будешь. Перепиши эссе. У тебя есть до субботы. Придешь с новой версией. И на этот раз не украшай реальность. Напиши правду.

Он протягивает мне листы, и я беру их дрожащими руками. Я уже у двери, когда слышу его голос:

— Екатерина.

Я оборачиваюсь.

Он смотрит на меня, и на секунду его лицо становится мягче — на долю мгновения, которое я запомню навсегда. Он хочет что-то сказать, я вижу это по его губам, которые приоткрываются и закрываются снова. Но он не говорит ничего.

— Идите, — говорит он. — Жду в субботу.

Я выхожу в коридор. И только там понимаю, что мои ладони вспотели, а сердце бьётся так сильно, что я чувствую пульс в горле.

Что это было? Предупреждение? Угроза? Приглашение?

Я не знаю.

Но я знаю одно: я перепису это эссе. И я приду снова.

Я не могу не прийти.

Суббота наступает быстрее, чем я думала.

Я переписывала эссе три раза. Первый вариант я сожгла в пепельнице на кухне общежития, когда соседки ушли в душ. Второй я удалила с ноутбука, потому что он казался мне слишком пресным, слишком правильным, слишком безопасным.

Третий я написала за один присест, в четыре часа утра, когда за окном шёл дождь и капли били по стеклу, как чьи-то настойчивые пальцы.

Я перестала спорить с Вергилием. Я написала то, что чувствовала на самом деле. Что он — тень, которую Данте не звал, но которая пришла. Что наставничество — это всегда вторжение. Что тот, кто ведёт, всегда оставляет след, даже если не хочет. И что иногда самый страшный ад — это когда тебя ведут туда, куда ты не просился.

Когда я закончила, у меня дрожали руки.

В субботу я не сплю. Собираюсь в семь утра, хотя он не назвал времени. Я не могу сидеть в общежитии. Стены давят, мысли переполняют голову, и я иду в университет пешком, хотя могла бы доехать на автобусе. Мне нужно движение. Нужно чувствовать, что я жива.

В коридорах университета пусто. Суббота, выходной. Только уборщица с грохотом тащит ведро по мокрому полу, и эхо разносится по этажам.

Я поднимаюсь на четвёртый. Кабинет заперт. Я стою перед дверью и смотрю на табличку, потом на часы. 8:47. Он не сказал время. Я не знаю, когда он придёт.

Я в отчаянии прислоняюсь лбом к двери и закрываю глаза.

— Ищите кого-то?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

Он стоит в конце коридора с чашкой кофе в руке. На нём не пиджак — только тёмная водолазка и чёрные джинсы. Он выглядит моложе без пиджака. Но не мягче. Взгляд тот же — пристальный, сканирующий, изучающий.

— Я... вы не сказали время, — говорю я, и мой голос звучит пискляво и жалко.

— Вы пришли на два часа раньше, — он делает шаг ко мне. — Но я вас не гоню.

Он подходит ближе. Останавливается в полуметре. Я чувствую запах кофе и одеколона — горький, древесный, с нотками табака. Очень мужской запах. От него у меня кружится голова.

— Принесли? — спрашивает он.

Я протягиваю распечатку. Он берёт её, и его пальцы на секунду касаются моих. Я отвожу руку, как будто обожглась.

Он смотрит на меня и чуть заметно улыбается. Впервые. Улыбка странная — не тёплая, не дружеская. Скорее знающая. Как будто он видит меня насквозь и знает, что я чувствую, но молчит.

— Пойдёмте, — говорит он и разворачивается.

Я иду за ним, как на буксире.

Мы заходим в пустую аудиторию на втором этаже. Здесь тихо, пахнет пылью и старыми партами. Он садится на первую парту и кладёт моё эссе перед собой. Я стою перед ним, не зная, куда деть руки.

— Садись, — говорит он, указывая на парту рядом с ним.

Я сажусь. Между нами — полметра.

Он читает. Его лицо меняется — сначала хмурится, потом брови поднимаются, потом он проводит пальцем по одному абзацу и перечитывает его дважды. Я чувствую, как внутри меня всё сжимается.

Он поднимает глаза.

— Ты написала это сейчас.

Не вопрос. Утверждение.

— Да.

— Ты не спала.

— Нет.

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Я чувствую его взгляд на моём лице, на моих руках, которые я сжимаю в кулаки.

— Почему ты перестала спорить с Вергилием? — спрашивает он, и его голос тише, чем на лекции. Почти интимный.

— Потому что я поняла, что вы правы, — говорю я. — Он не наставник. Он тюремщик.

Он качает головой.

— Не «вы». Я просил тебя — говори «ты».

— Ты прав, — поправляюсь я, и слово «ты» обжигает мне губы.

Он наклоняется чуть ближе. Я чувствую его дыхание — тёплое, с кофейной горечью. Его глаза темнее, чем я думала. Без очков они кажутся бездонными, в них можно утонуть.

— А теперь скажи мне, — говорит он, — кого ты боишься больше: меня или того, что я тебя вижу?

Я замираю.

Вопрос разрезает что-то внутри меня. Я чувствую, как моя защита рушится — та самая стена, которую я строила годами, чтобы не подпускать никого близко.

— Я не знаю, — шепчу я.

— Знаешь, — говорит он. — Просто не хочешь себе признаваться.

Он поднимается и отходит к окну. Поворачивается ко мне спиной, и я вижу, как напряжены его плечи.

— Эссе хорошее, — говорит он, и в голосе снова появляется официальная нота. — Ты получишь высший балл. Но я хочу, чтобы ты подумала вот о чём: иногда мы путаем страх и желание. Они чувствуются одинаково. Сердце бьётся быстрее, ладони потеют, дыхание сбивается. Вопрос не в том, что ты чувствуешь. Вопрос в том, почему ты это чувствуешь.

Он оборачивается и смотрит на меня.

— Приходи на следующую лекцию с ответом.

Я киваю. Встаю, собираю свои вещи. На выходе из аудитории я слышу его голос:

— Екатерина.

Я оборачиваюсь.

Он стоит у окна, и утренний свет падает на него сзади, делая его силуэт тёмным, почти нереальным.

— Ты не должна была приходить сегодня, — говорит он, и голос его низкий, почти беззвучный. — Но ты пришла. Ты всегда будешь приходить. Это не хорошо и не плохо. Это просто факт.

Он замолкает. И я знаю, что он не скажет больше ни слова.

Я выхожу из аудитории, и у меня подкашиваются ноги.

На лестнице я сажусь прямо на ступеньку, опускаю голову на руки и пытаюсь дышать ровно. Но не получается.

Потому что он прав. Я пришла. Я приду снова.

И я не знаю, как остановиться.

Глава 3. Граница

Глава 3. Граница

Следующая неделя превращается в пытку ожидания.

Я хожу на пары, но не слышу голосов преподавателей. Я смотрю в окно, но вижу только его лицо. Я пытаюсь читать учебники, но буквы расплываются перед глазами, превращаясь в его имя, которое я повторяю про себя снова и снова, как молитву.

Он встроился в мою голову, как заноза, которую нельзя вытащить. Я просыпаюсь по ночам от того, что мне снится его голос — низкий, хриплый, с той почти незаметной хрипотцой, которую я заметила только на второй лекции. Он говорит моё имя — только имя, без вопросов, без просьб. И я просыпаюсь с влажными ладонями и чувством пустоты в груди, которое не могу заполнить ничем.

Я пытаюсь убедить себя, что это просто увлечение. Что я, девятнадцатилетняя дура, влюбилась в образ — строгий, недоступный, опасный. Что если бы я узнала его настоящего, всё прошло бы. Что это просто реакция на новый город, новую жизнь, на одиночество, которое я никогда не признавала, но которое всегда было со мной.

Но я знаю, что это не так. Потому что когда я думаю о нём, я чувствую не пустоту, а наполненность. Как будто внутри меня загорается свет — слабый, но тёплый, который согревает меня изнутри. И этот свет — единственное, что я хочу чувствовать.

В понедельник я просыпаюсь с твёрдым решением — я не буду думать о нём. Я сосредоточусь на учёбе, на новых знакомствах, на том, чтобы построить свою жизнь здесь, без него. Я докажу себе, что я сильная, что я не нуждаюсь в нём, что я могу справиться сама.

Я иду на пары. Я стараюсь слушать, записывать, участвовать в обсуждениях. Я улыбаюсь одноклассникам, когда они говорят со мной, и даже соглашаюсь пойти с ними в кафе после занятий. Мы сидим за столиком, пьём кофе, говорим о глупостях — о фильмах, о музыке, о том, какой преподаватель самый строгий. Я смеюсь вместе с ними, и мне почти кажется, что я нормальная.

Но когда я возвращаюсь в общежитие и ложусь в кровать, я чувствую, как внутри меня разрастается пустота. Слова его голоса звучат в моей голове, и я не могу заглушить их ничем.

Я беру телефон. Открываю его профиль в университетской системе — там нет фото, только имя, учёная степень, список публикаций. Я читаю названия его статей: «Образ греха в литературе позднего Средневековья», «Границы допустимого в философии Данте», «Этика и власть: переосмысление классики». Я не понимаю половины терминов, но я читаю их снова и снова, потому что они — единственное, что связывает меня с ним.

Я не пишу ему. Я не смею. Но я думаю о нём каждую секунду.

В среду — его лекция. Я готовлюсь к ней так, будто иду на свидание. Я перебираю вещи в шкафу, выбираю чёрный свитер, который сидит по фигуре, и джинсы, которые подчёркивают ноги. Я распускаю волосы — знаю, что он смотрит на такие детали. Замечает, когда я прихожу с распущенными волосами, когда я краснею, когда я кусаю губы.

Я ненавижу себя за то, что хочу, чтобы он заметил меня. Но я не могу перестать.

Я прихожу в аудиторию за двадцать минут до начала. Сажусь на своё место — третья парта от окна. Я хочу быть незаметной, но в то же время я хочу, чтобы он увидел меня. Я хочу, чтобы его взгляд остановился на мне, хотя бы на секунду.

Он входит ровно в девять.

Чёрный пиджак, белая рубашка, расстёгнутая у ворота. Он выглядит уставшим — тени под глазами стали глубже, лицо более напряжённым. Но он всё так же красив — той опасной, режущей красотой, от которой у меня перехватывает дыхание.

Он проходит к кафедре, ставит папку, поднимает глаза на аудиторию. И я чувствую, как его взгляд находит меня — на долю секунды, на мгновение. Он смотрит на меня, и я вижу, как его глаза темнеют. Он не улыбается, не кивает, ничего не показывает. Но я знаю — он заметил меня. Он всегда замечает меня.

Лекция начинается.

Он говорит о «Преступлении и наказании» Достоевского. О Раскольникове как о человеке, который хотел властвовать, но оказался рабом своей идеи. О том, что граница между правом и преступлением — это всегда вопрос точки зрения. О том, что каждый из нас способен переступить черту, если ему кажется, что он действует во благо.

— Мы считаем, что мы выше морали, когда оправдываем свои поступки, — говорит он, и его голос заполняет аудиторию, как дым. — Но мораль не прощает оправданий. Она прощает только искренность. Только осознание собственной слабости.

Он цитирует Достоевского почти наизусть, и каждое слово вонзается в меня, как игла. Я чувствую, что он говорит не только о Раскольникове. Он говорит о нас. О том, что мы делаем, когда думаем, что имеем право.

Я не пишу. Я смотрю на него.

Он двигается вдоль кафедры, иногда останавливается, смотрит в окно. Я замечаю, что он ни разу не посмотрел на меня после того первого взгляда. Но я чувствую — он знает, что я здесь. Он знает, что я смотрю на него. И это молчаливое знание между нами становится тяжелее любых слов.

После лекции я не ухожу. Я жду, пока остальные студенты выйдут, и остаюсь одна.

Он перебирает бумаги у кафедры и не поднимает головы.

— Я жду, — говорит он, — когда ты скажешь мне ответ.

Я сглатываю. Он не забыл. Конечно, он не забыл.

— Ты спрашивал, чего я боюсь больше — тебя или того, что ты меня видишь, — говорю я, и мой голос дрожит. — Я боялась тебя. Потому что ты всё замечаешь. Потому что ты видишь меня, когда я сама себя не вижу.

Он поднимает глаза.

— А теперь?

— А теперь я боюсь, что перестану бояться.

Тишина.

Он смотрит на меня так, как будто я ударила его. На лице — ни эмоций, но его пальцы перестают перебирать бумаги и замирают на столе.

Он подходит ко мне. Медленно. Каждый шаг отдаётся в моей груди глухим стуком.

Он останавливается в полуметре. Теперь я сижу, он стоит надо мной, и это неравенство — не физическое, а какое-то глубинное — сжимает мне горло.

— Екатерина, — говорит он, и его голос низкий, почти шёпот, — ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да.

— Ты понимаешь, что это не игра? Что я не буду тебя утешать и гладить по голове? Что если ты переступишь эту черту, я не смогу тебя защитить?

Я молчу. Я смотрю на него и вижу, как его глаза темнеют, как сжимается его челюсть, как напрягаются мышцы на шее. Он борется с собой — я вижу это. Он хочет оттолкнуть меня, но он не может.

— Я уже переступила, — шепчу я.

Он закрывает глаза. На секунду. Медленно. Как будто внутри него что-то ломается.

— Тогда я больше не буду держать дистанцию, — говорит он.

Он протягивает руку и касается моего лица. Кончиками пальцев — только щеки, только линии скулы. Его прикосновение — сухое, прохладное, но от него по моей коже пробегает огонь.

Я закрываю глаза. Я не могу смотреть на него, когда он касается меня. Это слишком.

— Ты дрожишь, — говорит он.

— Знаю.

— Ты можешь уйти. Сейчас. И мы никогда не вернёмся к этому разговору.

Я открываю глаза.

— Ты знаешь, что я не уйду.

Он убирает руку. Делает шаг назад. Его лицо становится непроницаемым — маска возвращается на место.

— Приходи завтра в мой кабинет в восемь вечера, — говорит он. — Не на консультацию. Просто приходи.

Он разворачивается и уходит, не оборачиваясь.

Я сижу в пустой аудитории одна, и у меня дрожат колени.

Я знаю, что сейчас я делаю самую опасную вещь в своей жизни. Я не знаю, что меня ждёт завтра. Но я знаю одно: я приду.

Я прихожу в университет в половине восьмого.

Вечерний корпус выглядит иначе, чем днём. Коридоры пустые, лампы горят через одну, и тени ложатся длинными полосами на кафельный пол. Тишина — не та, что бывает днём, когда слышны голоса и шаги, а глубокая, вязкая, как вода. Я слышу своё дыхание, свой пульс, шорох собственной куртки.

Я переоделась три раза. Сначала думала прийти в том, в чём хожу на пары — джинсы, свитер. Потом надела платье — чёрное, простое, до колен. Потом снова сняла. В итоге осталась в чёрных узких брюках и белой рубашке — ни слишком вызывающе, ни слишком буднично. Как будто я иду на важную встречу. Наверное, так и есть.

У двери его кабинета я останавливаюсь и смотрю на часы. 19:58. Две минуты до восьми.

Я не стучу. Просто стою и жду.

За дверью тихо. Я не слышу голосов, не слышу шагов. Может быть, его ещё нет. Может быть, он передумал. Может быть, это была проверка, и я её провалила — но я пришла, значит, провалила её тем, что пришла.

В 20:00 дверь открывается.

Он стоит на пороге. Без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Я вижу его предплечья — сильные, с тёмными волосами, и почему-то этот вид действует на меня сильнее, чем любой строгий костюм. Он выглядит... настоящим.

— Ты пришла, — говорит он.

— Ты знал, что я приду.

Он не отвечает. Просто отступает в сторону, пропуская меня в кабинет.

Я захожу, и дверь за мной закрывается с тихим щелчком.

В кабинете горит только настольная лампа. Окна не зашторены, и я вижу вечернее небо — серо-синее, с первыми звёздами. На столе — две чашки. Чай. Он знал, что я не пью кофе. Откуда он знает, что я не пью кофе?

— Садись, — говорит он, указывая на кресло перед столом.

Я сажусь. Он садится напротив меня. Между нами — стол, но сегодня он не кажется преградой. Он кажется чем-то иным — местом, где мы оба прячемся за условностями.

— Я думал о тебе, — говорит он.

У меня перехватывает дыхание. Я ожидала чего угодно — вопросов, лекций, даже молчания. Но не этого.

— Не надо, — шепчу я.

— Что «не надо»?

— Не говори так. Это слишком.

Он наклоняется вперёд, опираясь локтями о стол.

— Ты хочешь, чтобы я врал? Сказал, что ты мне безразлична? Что я не замечаю, как ты смотришь на меня? Как краснеешь, когда я говорю твоё имя? Как дрожат твои пальцы, когда ты отдаёшь мне работы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.